Кабаков Александр 14.10.05.

С ярмарки

19 октября во Франкфурте открывается Buchmesse

Рассказывает АЛЕКСАНДР КАБАКОВ

Все книги разные, все книжные ярмарки похожи друг на друга. Впервые я попал на Франкфуртскую ярмарку пятнадцать лет назад. Я был самодоволен до почти полной потери всех чувств, кроме чувства абсолютного счастья. Мои гигантские портреты как популярнейшего автора этой «бухмессе» были расклеены на рекламных тумбах по всему городу. И мне казалось, что так и должно быть, что моя слава, которую принесла маленькая повестушка, переведенная за пару месяцев в двадцати странах, уже никогда никуда не денется. Следующая книга, в полном очумении предполагал я, обязательно принесет если не Нобелевскую, то уж точно какую-нибудь Гонкуровскую премию (в отечестве тогда литературных премий почти не было). А потом, возможно, уже ничего и не придется писать. Я собирался быстро завершить литературную судьбу и перейти уже исключительно к раздаче автографов и интервью.

Успех делает идиотом даже вполне не-глупого в обычных обстоятельствах человека.

Я надел лучший пиджак, сунул в карман, как подобает творцу, шелковый платочек, и пошел на ярмарку.

Следующие десять дней, до самого ее закрытия, я тоскливо просидел на неудобном стуле посреди стенда моего немецкого издательства. Два автографа у меня взяли такие же перепуганные соотечественники-издатели, больше не подошел никто. К счастью, напротив стенда был бар, там наливали в пластмассовые стаканчики. К концу мероприятия мой агент, носившийся по павильонам как укушенный, сообщил, что заключено не то пятнадцать, не то тридцать договоров, все прекрасно, и я свободен. У меня было ощущение жениха, которого забыли пригласить к венцу. Книжная ярмарка, как ей и положено, оказалась коммерческим мероприятием, страдой для издателей, писатель был ей так же нужен, как живая роза торговцу мылом,— в качестве изображения на обертке.

Спустя двенадцать лет я снова оказался во Франкфурте уже безнадежно опытным и ничем не обольщающимся автором. На стенде своего издательства без смысла не околачивался, иллюзий не строил, мирно бродил по территории и ждал вечера, на который назначено было выпивание с дружественными коллегами, неуловимыми в Москве из-за общей занятости. И вдруг, проходя мимо стенда весьма почтенной французской издательской группы, я остановился и принялся топтаться на месте, как от удара по голове. Над стендом висел гигантский лист картона с надписью (дословно, настолько я понимаю французский): «Наши русские авторы — Ирина Денежкина, Александр Пушкин, Федор Достоевский и Антон Чехов». Именно в таком порядке.

Именно в тот момент я полностью и на веки все понял про книжные ярмарки, писательскую славу и издательский бизнес. Мне стало отчаянно жалко екатеринбургскую девочку Иру, написавшую свою первую книгу под честным названием «Дай мне!» и в тот момент, наверное, переживавшую счастливое одурение.

Это только так называется — книжная. А правильное название совпадает с названием прекрасного романа не слишком коммерчески успешного английского автора Теккерея: ярмарка тщеславия. Слава и тщета, вот и все.

202